

Он не особо волновался, накануне вечером лёг рано, но, оказавшись на съёмочной площадке, не смог совладать с сердцем, которое принялось колотиться. Он оторвал взгляд от сценария, испещрённого пометками маркера и ручки, и посмотрел на своё отражение в огромном зеркале. Визажистка уверенными движениями наносила кистью тональную основу, а две стилистки рядом живо жестикулировали и обсуждали что-то, листая страницы своих папок. За дверью сновали люди, стоял неумолчный гул, то нарастая, то затихая, и слышались то лёгкие, то тяжёлые шаги.

Он смотрел на себя в зеркало и постепенно отрешался.

Всё вдруг показалось ему каким-то нереальным.

Рядом стоял синий стеклянный стакан с остывшим зелёным чаем.

Сюй Чжичжэнь открутил крышку и сделал глоток. В последние дни он почти разучился чувствовать вкус. Он был сладкоежкой, в академии в свободное время постоянно норовил сбежать за тортиком или пудингом. Когда он только начал пить зелёный чай, то морщился от горечи. Теперь же приходилось ещё и ограничивать себя в сахаре. Проходя мимо пекарни, он жадно смотрел на витрины, а Се Бэй тащил его за руку прочь.

Он провёл языком по задним зубам, ощутив горьковатое послевкусие, и обернулся к Се Бэю. — Се Бэй, давай договоримся?

Тот сидел с закрытыми глазами, пока визажистка работала над его лицом, и лишь мычанием дал понять, что слушает.

— После съёмок, когда вернёмся в академию, купим большой-большой торт.

В его голосе звучала такая тоска, что даже не видя лица, можно было представить себе жалобную мордочку. Уголки губ Се Бэя дрогнули, он сдержал улыбку и снова мыкнул в знак согласия.

Сюй Чжичжэнь прищурился и сладко сомкнул губы, испытал лёгкую радость. По крайней мере, теперь у него появилась цель.

Их сцены занимали примерно седьмую часть фильма, включая флешбэки. У Сюй Чжичжэня было всего три образа, а у Се Бэя — пять.

После примерки стилистки внесли небольшие коррективы в макияж Сюй Чжичжэня, чтобы лучше подчеркнуть форму его лица. Затем окончательно утвердили грим и причёску, переодели в соответствующие костюмы и отправили в большой павильон для съёмки фотографий для пресс-кита. После каждого образа возвращались, смывали грим и приступали к следующему.

Утро пролетело незаметно. В середине процесса заглянул второй режиссёр, поторопить. Визажистка, выводящая бровь Се Бэю, даже глаз не подняла. — Как можно быстрее? — буркнула она. — Наспех тут ничего не сделаешь.

Мастер, работавшая с Сюй Чжичжэнем, усмехнулась. — Точно. С мужским макияжем как раз и приходится возиться.

Сюй Чжичжэнь ничего не понимал. Его глаза бегали по сторонам, но, глядя в зеркало, он не видел никакой особой разницы.

Стоявшая сзади стилистка заметила его недоумение — молодёжь не умеет скрывать эмоции — и не сдержала улыбки. — В отличие от женского макияжа, который может быть очень сложным, мужской должен передавать характер и развитие персонажа. Предыдущий образ был простым — нужно было просто показать молодость. Этот сложнее, периоды разные, и ощущения должны быть разными. Наша задача — это передать.

Выслушав её объяснение, Сюй Чжичжэнь невольно покраснел, опустил глаза и тихо сказал:

— Понял, спасибо, сестричка.

— Не за что, какой ты милый. — Она перекинулась взглядом с другой визажисткой. — Говорят, вы с Се Бэем учитесь вместе?

Он быстро взглянул на Се Бэя. Тот сидел, прикрыв глаза, неясно было, спит или нет.

— Да, мы в одной группе.

— Здорово, значит, судьба. — Она обратилась к коллеге. — У Се Бэя, кстати, кожа и правда идеальная. Молодость — это такое сокровище, которого не купишь.

— Ещё бы, восемнадцатилетние мальчишки — редкость.

Наверное, видя, что Се Бэй дремлет, а Сюй Чжичжэнь чист и простодушен, как белый лист, они расслабились и принялись обсуждать последние сплетни. Стилистки тоже вставили свои пять копеек. Беседа текла легко и непринуждённо.

Съёмки закончились около полудня. Сюй Чжичжэнь вышел из павильона, потянулся и потер глаза. Он уже порядком проголодался. Едва он открыл дверь в комнату отдыха, как увидел внутри Нянь Нэнцзина. Обрадовавшись, он окликнул:

— Нянь-гэ!

Тот вытаскивал из сумки термос и поманил его. — Сяо Сюй, иди сюда, поешь. После обеда начинаются настоящие съёмки.

Сюй Чжичжэнь подбежал и, как и ожидал, увидел салат и цельнозерновой хлеб.

Се Бэй уже вооружился вилкой и без особого энтузиазма отправлял в рот зелень, лишь мельком взглянув на Сюй Чжичжэня и кивком приглашая сесть.

Нянь Нэнцзин продолжил рыться в сумке, достал контейнер с нарезанными фруктами и две бутылочки обезжиренного йогурта, поставил на стол. — Поешьте, отдохните. Перед съёмкой вас позовут.

Се Бэй что-то промычал в ответ.

Рядом ассистент без остановки снимал всё на телефон. Сюй Чжичжэнь немного струхнул, ему было непривычно, отчего лицо слегка одеревенело. Он не знал, куда смотреть, уставился в свою тарелку и принялся накалывать салат.

Когда, наконец, закончили снимать и вышли, в комнате отдыха остались только они вдвоём. Сюй Чжичжэнь тяжело выдохнул и обмяк. — Чёрт, я чуть не задохнулся.

Се Бэй поднял его на смех. — Никто же тебе нос не зажимал. С чего такой напряг?

Тот лишь вздохнул. — Не знаю. Просто не привык. Даже когда просто снимают на телефон, мне не по себе. Боюсь, днём на съёмках всё испорчу.

Се Бэй помолчал, затем ободрил его:

— Всё в порядке. В клипе у тебя хорошо получилось. Не закливайся. Это просто игра, представь, что мы в академии репетируем.

Сюй Чжичжэнь невесело выпрямился, открутил крышку йогурта, сделал глоток и скривился так, что Се Бэй не сдержал смеха. — Что?

— Почему йогурт такой кислый? — Сюй Чжичжэнь скорчил гримасу. — Да ещё и горьковатый, мать его.

Се Бэй глянул на этикетку, отломил кусочек хлеба. — Это импортный бренд. Дорогуший и отвратительный на вкус.

Сюй Чжичжэнь просто не понимал: быть артистом — сплошное мучение. Еда не радует, тренировок не избежать, вечная тревога о фигуре, да ещё и страх облажаться на съёмках. Долго в таком режиме — и можно с ума сойти.

Се Бэй лишь сказал:

— Ешь как следует, снимайся как следует, а потом вернёмся и устроим пир на весь мир.

Сюй Чжичжэнь закивал. — Договорились.

В половине третьего Сюй Чжичжэнь, переодевшись в длинную рубаху-чаншань, выглядел изящно и опрятно. Круглые очки с простыми стёклами, слегка поджатые губы и добрая улыбка придавали ему миловидности. Весь его облик дышал благородством, не запятнанным мирской суетой, — с первого взгляда было ясно: не знающий забот отпрыск богатой семьи, белокожий, чистый и наивный.

Та же самая простая чаншань на Се Бэе смотрелась иначе. В его взгляде читалась лёгкая жёсткость, острые брови уходили к вискам. Он прикусил губу, и его улыбка была откровенно озорной.

Чэнь Сунъань подробно объяснил им сцену, затем они прошли по мизансцене. После этого режиссёр крикнул операторской группе готовиться к настройке, а Се Бэй отвёл явно нервничающего Сюй Чжичжэня в сторону. — Не волнуйся, — сказал он, заставляя его глубоко дышать. — Ни о чём не думай, просто играй. Ты — Фу Бу, я — Ху Хуа, мы в старом Бэйпине. Забудь про камеры, про ракурсы и всё такое. Просто играй.

Руки у Сюй Чжичжэня были ледяными. Закутавшись в длинное чёрное пальто, он кусал губу, съев уже половину блеска. Визажистка, стоявшая рядом, скучающе думала, что вот, придётся снова подкрашивать. Сюй Чжичжэнь смотрел на него широкими, ясными глазами, слегка запрокинув голову. Гул вокруг то нарастал, то стихал, шаги людей теряли значение. Он смотрел на человека перед собой и, нервничая, спросил:

— У меня... получится?

Се Бэй твёрдо смотрел на него в ответ. — Да, получится. — Помолчав, улыбнулся. — Помнишь, мы же первые в Центральной академии драмы, наша двойная опора.

Сюй Чжичжэнь не сдержал смеха. Это прозвище они придумали сами от нечего делать: на профильных предметах они постоянно занимали первые места, то один, то другой, то оба сразу. Как-то раз на репетиции он пошутил, что они — двойная опора академии.

— Ладно, я готов.

Он улыбнулся, глаза его превратились в полумесяцы. Поскольку он всё ещё слегка запрокинул голову, в его зрачках отражалось одно лишь лицо Се Бэя. Казалось бы, холодное, но освещённое улыбкой — выходил какой-то неосознанный контраст.

Се Бэй на секунду застыл, потом, слегка смутившись, потер нос и отвел взгляд.

Чёрт... а он довольно милый.

Белая кожа, подчёркнутая тональным кремом, чуть приподнятые внешние уголки бровей, красивые янтарные глаза, которые непроизвольно сужались, когда он улыбался, алые губы, блеск на которых немного стёрся, но он всё равно смотрелся поразительно. Самым же удивительным, пожалуй, был тот самый бугорок на верхней губе — не слишком заметный, но если приглядеться, можно увидеть маленькую выпуклость посередине, чуть ниже, слегка выдающуюся вперёд.

Трудно было описать это ощущение. Может, он просто немного нервничал.

<http://bllate.org/book/16272/1464521>